

другой стороне видны и вся Коктебельская долина, и расщепленные зубцы Карадага, и профиль Максимилиана. С нашей же высоты хорошо видна была классическая линия изогнутости бухты, а Карадаг будто раздвинулся, и выступила вторая гряда зловещих зубцов.

Вечером в зимнем кабинете, как бы в награду за наш поход, Мария Степановна еще раз исполнила нам "Зарю-заряницу", когда-то петую перед Федором Сологубом. Это был последний полный день нашей блаженной жизни около Максимилиана Александровича. На 23 июня назначен был наш отъезд.

23 июня. 16-й день. Фамира и камни⁹⁵⁶ (Прощание)

Вчера я не записал наблюдения, касающиеся дружества Максимилиана Александровича с камнями. В последние дни поразило меня строгое, видимо, давно установившееся фамирическое отношение к камням. Я видел перед собой поразительное явление: живого Фамиру, источающего свою ласку камням. Именно тот аспект Фамиры, который был не понят читателями Иннокентия Анненского и более всего ими осуждался, вдруг получил воплощение перед моими глазами. На прогулках, особенно на утренней своей прогулке, не стесняясь меня, Максимилиан Александрович останавливался на своем пути, наклонялся над гнездами камней, чаще небольшой величины, иногда касался посохом, перемещая их. Это были по виду обыкновенные камешки, но чем-то связанные в мыслях Максимилиана Александровича. Что его останавливало? Соотношение цветов, складывание орнамента оттенков? Что говорили ему эти наблюдения над соединениями камней? Тот наклон головы, та внимательность, почти полубога о камнях, говорили о большем, чем перебирание и рассматривание окраски. Гнезда камней что-то символизировали поэту. Эти кучечки камней казались подорожными четками. Язык их ему был понятен. "Темный ваш язык учу"⁹⁵⁷, будто хотел сказать им Поэт. Несомненно, он прибавлял новых читателей к созданным гнездам и передвигал их в разные сочетания. Так возникли два гнезда особой формы уже на самой лестнице, почти незаметные, лежавшие в уголках ступеней. И в доме относились с уважением к этим избранникам, не трогая их, не перемещая, не сбрасывая с лестницы.

Перед обедом медленно мы обошли вместе с Максимилианом Александровичем все его просторные кельи. Задержались в летнем кабинете перед портретами Черубины. На мой вопрос, хотела ли она "уйти", Максимилиан Александрович ответил: "Здесь в судьбе Лили было совпадение воли и призыва".

Простились два раза. В столовой при прощании я знал, что жизнь моя будет озарена и во многом облегчена этими блаженными днями. Поразительно, что никто не сказал слова о свидании, будто невозможность его была уже решена.

Второй раз простились у автомобиля. Объятия и поцелуи. Я не могу забыть этого священного для меня лица, этой благостной головы пророка. В раме автомобиля, неотступно со мной, этот лик мудреца, с повязкой Гесиода, с улыбкой, полной незаслуженной ласки...

Лидия Аренс О МАКСИМИЛИАНЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ВОЛОШИНЕ И ЕГО ЖЕНЕ МАРИИ СТЕПАНОВНЕ

В 1925 году мне очень хотелось поехать на отдых в Крым. Весной, идя по Невскому проспекту, встретила одну соученицу по гимназии, которая была в дружбе с Марусей

⁹⁵⁶ 624 Фамира - в древнегреческой мифологии певец, мастер игры на кифаре; персонаж пьесы И. Анненского "Фамира-кифаред" (1906), называвший камни своими товарищами.

⁹⁵⁷ 625 "Темный ваш язык учу" - перефразированная строка из стихотворения Пушкина "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы" (1830) - в переделке В. А. Жуковского ("Темный твой язык учу").

Заболоцкой, моей одноклассницей.

В разговоре я узнала, что Маруся вышла замуж за поэта Волошина и живут они в Коктебеле, в своем доме на берегу моря, и что Маруся очень хотела, чтобы к ней приехали ее подруги по гимназии. Я сейчас же написала Марусе и очень быстро получила ответ. Она звала нас к себе.

Первая поехала Ксения Эдуардовна Монтвид (ее девичья фамилия)⁹⁵⁸, а я была задержана работой и приехала в Коктебель уже после ее отъезда.

Меня очень интересовало, как это Маруся могла выйти замуж за поэта, так как весь внешний вид ее не предполагал мысли, что ею может увлечься поэт. Я стала расспрашивать всех, кто хоть что-то мог знать о том, как выглядит этот поэт и т. д., но получила весьма странные и невразумительные разъяснения, что он ходит в коротких штанах и длинных рубашках, с венком на голове, что ему минуло 45 лет, что его сейчас не издают, и [пожелание], чтобы я ехала, потому что у них есть где жить и к ним приезжает много народа, а пляж там чудесный.

Из Феодосии я подъехала на линейке к самому дому. Встречать меня вышла Маруся, мы обнялись и расцеловались. Чуть погодя подошел и Максимилиан Александрович. Среднего роста, но широкий в плечах и полный, с крупной головой и уже седеющими пышными волосами, остриженными в скобку. Одет в сандалии, длинную рубаху из белой льняной ткани с круглым вырезом у ворота, подпоясанную ремешком, и из той же ткани короткие штаны, застегнутые на пуговицу за коленом. Лицо породистое и было бы красиво, если б не было слишком полным и обросшим бородой и усами. Рот небольшой и очень изящного рисунка, так же как и нос. Глаза серые, умные и очень холодно внимательные.

Максимилиан Александрович был очень вежлив, я бы сказала, изысканно вежлив всегда и со всеми. Даже кошку Ажину он просил освободить стул, но не сгонял ее, и когда я удивилась этому, то он сказал: "Ведь она же женщина..."

Никогда не повышал голоса, не раздражался и не сердился, за очень редкими исключениями. Когда приезжие рассказывали ему о том, что они слышали о нем и об образе жизни у него в доме, и даже о таких выдумках, как его (Максимилиана Александровича) право "первой ночи" с приезжающими к нему, о том, что он ходит голый в венке из роз, что все живущие в доме одеваются в "полпижамы", кто в нижнюю часть, а кто в верхнюю, ... и т. д. и т. п., Максимилиан Александрович все это слушал с явным удовольствием и никогда ни слова не возражал, как будто все так и было.

Мне всегда казалось, что Максимилиан Александрович создал себе те качества, которые считал нужным иметь, и как бы сделал себе маску, которую и носил не снимая, пряча под ней свои подлинные чувства и мысли, которые не всегда совпадали с теми, какими он хотел, чтобы они были. Очень редко Максимилиан Александрович забывал об этой идеальной маске и нарушал созданный им образ, и это всегда в порыве сильных чувств, которых он не мог сдерживать, и мне так казалось, что он сам себе не прощал этих порывов, нарушений созданного образа.

Однажды я была свидетельницей такой сцены на террасе, где обедало человек тридцать. Еще утром Александр Георгиевич Габрический показал мне рисунок, сделанный им с Марии Степановны, разговаривающей с каким-то татаринном на вышке дома. Она сидела в очень характерной для нее свободно-гротескной позе, и нельзя было даже этот рисунок назвать карикатурой. "Тебе нравится?" - спросил Саша. "Да, очень похоже, очень хорошо". - "Ну, ты Марусе не говори, а то она обидится". За обедом Маруся обратилась к Саше, сидевшему почти против нее, и сказала: "Саша, покажи мне, какую это карикатуру ты на меня нарисовал?" Саша немедленно вынул из блокнота листок и протянул его Марусе. Макс наклонился к Марусе, и они вместе рассматривали рисунок. Вдруг Маруся громко сказала: "Какая гадость!" - и быстро разорвала рисунок. И тут же раздался крик боли, потому что

⁹⁵⁸ К. Э. Монтвид - жена композитора В. М. Дешевова.

Макс схватил ее руку и укусил ее, крикнув: "Как ты смела разорвать произведение искусства?!" Маруся вскочила из-за стола, понеслась вверх в кабинет, а за ней Максимилиан Александрович. Несколько минут мы все сидели молча, а потом сверху стали слышны спорящие голоса Макса и Маруси, а у нас поднялись бурные дебаты⁹⁵⁹.

У Марии Степановны Заболоцкой было трудное, тяжелое детство. Отец поляк, квалифицированный рабочий, а мать - из староверческой семьи, которая ей не простила брака с чужим по вере человеком. Отец рано умер, и мать из милости пустила какие-то дальние родственники жить "в углах". Был брат Степан, но он ушел в беспризорники и где-то, видимо, пропал.

Мать была туберкулезная, и трудно ей давалась жизнь. Маруся обожала мать, и стала думать, как ей помочь, и решила, что если она отравится, то матери одной будет легче прожить. Марусю брала к себе какая-то добрая женщина-врач на побывке у нее, а Маруся исхитрилась и крада у нее яд. Когда ей показалось, что его хватит, чтобы отравиться, она забралась на чердак того дома, где жила, и отравилась. Кто-то услышал стоны, и ее отходили в больницу. Поразило всех, что самоубийство пыталась совершить девочка 12 лет, чтобы облегчить участь матери, и об этом случае было напечатано в газетах⁹⁶⁰.

Начальница нашей гимназии Мария Николаевна Стоюнина прочла в газете об этой девочке и поехала узнать, как и чем можно ей помочь. Она устроила Марусю жить в одной знакомой семье и стала готовить ее к поступлению в гимназию. Готовили ее бесплатно наши же учителя. К нам она поступила в 5-й класс уже хорошо подготовленной, была старше нас на два года и отличалась ярко выраженным характером и самостоятельностью своих мнений. Нам она нравилась, и мы завели с ней дружбу. Жила она тогда уже в пансионе Екатерины Ивановны Шмидт, где жило много девочек, учащихся старших классов. Мать Маруси умерла от туберкулеза еще до поступления ее в гимназию. К концу учебного года Маруся стала хворать, и вскоре мы узнали, что наша начальница отправила ее в Ялту, где она жила и училась. Мы писали ей письма и получали от нее.

Однажды приходит в класс наша одноклассница Лиза Лебедева, держит в руках письмо и со слезами читает, что пишет Маруся, а вот она и дописать письмо не смогла, и твердым почерком взрослого приписано, что Маруся скончалась тогда-то. Мы пришли в волнение, многие поплакали; а когда пришел батюшка на урок Закона божьего, мы ему сообщили, что умерла Заболоцкая. Он расспросил что и как и сказал, чтобы мы остались после уроков, что он отслужит панихиду. На панихиду пришло много учениц старших классов, знавших ее по пансиону, и мы остались всем классом. Пел гимназический хор, мы же дружно плакали.

Но дети есть дети, и постепенно все забывалось. Прошло недели две, и к нам в класс входит наша начальница и говорит, что Маруся шлет всем привет и цветы, что она провожала ее на поезд из Севастополя. Но тут мы все закричали: "Она ведь умерла! Мы панихиду отслужили!" Все это, то есть письмо от Маруси и т. д., было проделкой младшей сестры Лизы Лебедевой, но она в этом призналась не скоро,

Марусе мы писали письма ("Вот как хорошо, что ты не умерла, что ты жива..."), чем ее очень напугали. Вот говорят, что если отслужить панихиду по живому человеку, не зная, что он жив, то ему обеспечено долголетие. Маруся жива и сейчас, ей 83 года⁹⁶¹, пережить ей пришлось немало, и не раз она была очень близка к смерти.

⁹⁵⁹ 626 По воспоминаниям Н. А. Габричевской, этот случай произошел с рисунком Е. С. Кругликовой. Косвенным подтверждением этого является силуэт М. С. Волошиной с надписью Кругликовой: "Маруся, дорогая! Что ж делать, если ты такая!"

⁹⁶⁰ 627 О случае с двенадцатилетней Марусей Заболоцкой рассказала писательница Е. А. Колтоновская в очерке "Детская драма" (в петербургской газете "Новости").

⁹⁶¹ Воспоминания Л. А. Арена написаны в начале 70-х годов.

... В Коктебеле очень любили ставить шарады и затевали их, к ужасу Маруси, довольно часто, а у нее выворачивали весь гардероб в поисках нужного и делали изумительные костюмы из ничего. Рукава с буфами делались из двух трусиков, роскошная обстановка - из портьер и скатертей и т. д.

Помню шараду "Лампада", которая была разыграна как целое представление.

Первое - "Лампа" - было поставлено по пьесе "Синяя птица" Метерлинка. В кроватках лежали Тильтиль и Митиль, и они тушили лампу после длинного разговора о том, что они пойдут сейчас навестить бабушку и дедушку.

Второе - "Да" - было разыграно как венчание, где жениха и невесту водили вокруг аналоя, держали над ними венчальные короны, и священник в облачении (бог знает, из чего состряпанном) спрашивал их согласия на брак, и они по очереди отвечали: "Да".

А целое - "Лампада" - было сыграно как сцена в монастыре, где молится монахиня, но ее одолевают грешные мысли о том, что она обещала ему сделать лампадой знак в окне, и тогда он придет и возьмет, украдет ее из монастыря. Колебания монахини кончаются тем, что она берет лампаду и делает ею условный знак, и тогда в окно влезает очаровательный испанец (это была Мирэль, дочь Мариэтты Шагинян) и увлекает монахиню.

Ставились и живые картины, в которых иногда участвовали и Максимилиан Александрович и Мария Степановна. Я помню их в виде Филемона и Бавкиды⁹⁶², смотревших умильно друг на друга и отрывавших ягоды винограда от большой кисти, которую держал Максимилиан Александрович.

Ксения Эдуардовна рассказывала мне о шараде "Навуходоносор", где Максимилиан Александрович в заключительной сцене стоял на четвереньках и делал вид, что ест сено. Предание гласит, что этим кончил царь Навуходоносор.

В то лето [1925 года] в Коктебеле жили Михаил Булгаков с женой, Леонид Леонов, часто приезжал из Старого Крыма Александр Грин. По вечерам Булгаков читал свои вещи: "Собачье сердце", "Роковые яйца" и другие. ...

Я не помню всех шарад, я не помню всех спектаклей, их было очень много. Но вот одна оперетта, "Саша-паша"⁹⁶³, мне очень запомнилась, потому что я сама играла в ней одну из жен, "суфражистку", и пела отличные куплеты, сочиненные Гуной (Ксенией Павловной Девлет⁹⁶⁴), которая не только писала остроумные стихи, но еще, обладая прекрасным слухом, являлась из года в год на всех представлениях "оркестром", аккомпанируя всем на рояле и иногда с интересом ожидая, в какой тональности запоет стоящий на сцене "артист", и в случае чего моментально переключалась на то, что надо.

Пьесы не было, на всех репетициях все живо творилось и каждый раз углублялось и расширялось всякими деталями, а пьесу не писали, учили только стихи и куплеты. Принцип был такой: смысл спектакля ясен каждому участнику, и каждый делал возможно лучше то, что мог и умел, к чему подходил, а общую режиссуру вел Сергей Васильевич Шервинский, поэт, прозаик и переводчик.

Сашой-пашой был Саша Габричевский, и было семь женщин, желавших попасть к нему в гарем. [Среди них - и суфражистка.]

Я суфражистка, скажу я вам,
Я окна бью, курю, свищу,
Ни в чем мужчинам не спущу.

⁹⁶² 628 Филемон и Бавкида - герои древнегреческого мифа, пересказанного Овидием в "Метаморфозах", синоним неразлучной пары старых супругов.

⁹⁶³ 629 Оперетта "Путями Макса" (или "Саша-паша") была поставлена в Коктебеле в августе 1926 года.

⁹⁶⁴ К. П. Девлет (1890-1976) - преподаватель.

Я суффражистка, скажу я вам.

Одета я была в короткие брюки-гольф, белую рубашку, пиджачок и кепку и выходила с папиросой под бурный аккомпанемент рояля и всяких криков и шумов, издаваемых свободными в это время артистами.

Мужчина женщиной рожден,
Ей всем обязан он.
Так почему ж он наш господин?

Я подзабыла куплеты, а их было немало, и были относящиеся к тому, что гарем - подходящее место, чтобы в нем поднять восстание и развивать науку.

Была [в гареме и] "советская девчонка", певшая чудные куплеты на мотив "Ах, шарабан мой в красну клетку", другого она не могла бы спеть, потому что, вроде меня, петь не умела. Была "невинность", которая мечтала о детях, не совсем понимая, как они появляются на свет.

"Я была гимназисткой когда-то", - пела Наталья Михайловна Михайлова⁹⁶⁵ томный, длинный вальс, и очень хорошо пела, обладая слухом, кое-каким голосом и красивой внешностью. Она же исполняла роль влюбленной в Сашу-пашу и хорошо, с огоньком, пела куплеты: "Саша-паша, я пред тобой стою, едва дыша. Твой взор, твой взор ловлю, как светлый метеор".

Восточную женщину играла и танцевала бывшая балерина Зинаида Ивановна Елгаштина. "Цветную" женщину играла Наталья Алексеевна Габричевская, которая и увлекала своего мужа, Сашу-пашу, и они танцевали очаровательный танец любви.

Начиналось все это представление с того, что с "палубы" (так и назывался потом этот балкон) корабля сходили иностранцы, и им гид показывал Коктебель и рассказывал о всех знаменитостях, живущих в нем. Англичанина мистера Хью с большим шиком и в интересном мужском костюме играла художница Елизавета Сергеевна Кругликова.

Зрителей было очень много, не менее 300-400 человек. Пришли почти все из домов отдыха, в те времена немногочисленных и сравнительно малолюдных, да у нас в домах жило больше ста человек. Сидели немногие, а остальные стояли. Все происходило на воздухе, где делалась временная сцена-подмостки между двух домов.

Когда готовилось наше представление, мы заранее решили, что есть такие эффектные места, что без аплодисментов не пройдут, а на спектакле все зрители молчали и тишина была необыкновенная. В антракте я пробралась к знакомым и спрашиваю: "Почему нет аплодисментов, отчего так тихо?" А они отвечают: "Так интересно, что боимся слово пропустить!" Правда, потом стали бурно реагировать, и мне, в частности, так аплодировали, что я повторила последний куплет, сразу забыв от волнения все предыдущие.

Таким образом получались и прозвища, которые оставались за людьми на долгие годы, если не навсегда. Была Валькирия (по живым картинам, где она ее изображала)⁹⁶⁶, а сын ее звался "Трюфель" после того, как был изображен в этом виде. "Психур" - соединение Психеи и Амура. Это прозвище получил очень красивый молодой профессор Жинкин⁹⁶⁷. "Монгол" - Николай Григорьевич Хлопин⁹⁶⁸. "Казуары", "Изюмка", "Примус" и т. д.

⁹⁶⁵ Н. М. Михайлова (1883-1972) - ленинградский адвокат.

⁹⁶⁶ Валькирия - прозвище Валентины Павловны Остроумовой, жены писателя Льва Евгеньевича Остроумова.

⁹⁶⁷ Профессор-философ.

⁹⁶⁸ Гистолог

Сам Максимилиан Александрович не принимал участия в больших постановках на его именинах 17 августа - это была, так сказать, кульминация летнего сезона. Но он обожал всякие такие развлечения и с наслаждением их смотрел. Максимилиан Александрович не обладал музыкальным слухом и присутствовал на вечерах какого-либо пианиста или певца по обязанности хозяина. А любил он устраивать чтения, состязания в сочинении буриме, стихов на разные заданные темы и т. д. Сам читал свои стихи и другое, как, например, монографию о художнике Сурикове, статьи об искусстве и т. д. Читали свои произведения отдохавшие у него в доме поэты и прозаики. А иногда молодежь просто затевала танцы, и этому тоже никто не мешал, так же как стихийно возникавшему самодеятельному оркестру, в котором "играла и звучала" вся посуда, взятая из кухни, а солисты выступали на гребенках, сходявших за скрипки и виолончели, и достигали большого искусства, а весь оркестр - большой слаженности.

Каждый вечер был занят чем-то новым, и жить среди скопления высокоинтеллигентных людей было необыкновенно интересно и очень много мне дало. На всю жизнь осталось знакомство и дружба с такими людьми, как Анна Петровна Остроумова-Лебедева, Елизавета Сергеевна Кругликова, Зоя Петровна Лодий, Габричевские и многие другие.

Иногда устраивались очень интересные прогулки под руководством Максимилиана Александровича, великолепно знавшего все окрестности, историю Крыма и т. д. Я вообще не знала отрасли знания, в которой Максимилиан Александрович ничего бы не понимал. Он был необыкновенно широко образован и начитан. У него был несколько склонный к парадоксальности острый и блестящий ум.

Как-то Максимилиан Александрович организовал прогулку в Каньоны и повел нас сам, идя впереди с посохом в руке и в своей белой одежде напоминая апостола. За ним шла, не преувеличивая, сотня людей всех возрастов и полов, то есть буквально все, и стар, и мал, пошли, а в домах остались только те, кто готовил пищу на ужин.

Максимилиан Александрович не раз возглавлял походы в Старый Крым, на Карадаг, и всегда очень интересно рассказывал о прошлом Крыма, которое блестяще знал, так же как и все дороги и тропинки.

Ходить Максимилиан Александрович очень любил. Он ежедневно гулял по несколько часов или совсем один, или с кем-либо из интересных ему для собеседования людей. ...

У Максимилиана Александровича была очень хорошая библиотека на русском и французском языках. Если кто-либо просил у него что-нибудь "почитать", то он отсылал в общую библиотеку, составленную из книг, оставленных и подаренных уезжающими. Но если кто-либо просил его дать прочесть что-либо по какому-то определенному вопросу, то он очень внимательно подбирал нужное и охотно давал читать. ...

В 1929 году у Максимилиана Александровича был удар⁹⁶⁹, то есть кровоизлияние в мозг, но оно как будто совсем рассосалось.

Я приехала в 1932 году и не сразу заметила перемену в Максимилиане Александровиче, а он, видимо, потерял дар творчества и даже рисовать стал, разграфляя лист бумаги на 4, 6 или 8 рисунков-акварелей и делая их трафаретно, сначала в одну сторону, а потом в другую. А раньше ведь Максимилиан Александрович ходил гулять и смотрел вокруг, а рисовал по памяти всегда разное и часто говорил, что ему рисунки подсказывают камни. И все его акварели были какие-то свои, особенные и неповторимые.

В 1927 году в Ленинграде устраивалась выставка акварелей М. А. Волошина. Максимилиан Александрович и Маруся приехали в Ленинград и остановились у меня. (А у меня была отдельная квартира из двух комнат на Невском проспекте, 84, во дворе, на втором этаже. Не очень светлая, без телефона и ванной, но зато в центре.)

Я много раз бывала на Фонтанке, в помещении Клуба журналистов, где и открылась

⁹⁶⁹ 630 Удар (инсульт) у Волошина был 9 декабря 1929 года.

выставка и где я помогала ее устраивать. С выставки в подарок от Максимилиана Александровича я получила очень хорошую акварель по своему выбору, и она висела у меня в большой комнате, но пропала в 1941 году, когда я была арестована и отправлена в Сибирь⁹⁷⁰.

Когда и как в 1932 году заболел Максимилиан Александрович, я не помню. Знаю только, что у него началось ползучее воспаление легких, что врачи вводили ему ежедневно камфару, а Максимилиан Александрович всегда благодарил за укол и поражал всех вежливостью и исполнительностью. Болезнь тянулась и затягивалась. Максимилиан Александрович как-то слабел, за ним нужен был уход. Он не мог лежать, потому что задыхался, и лежал в кресле. Маруся сбилась с ног, страшно волновалась и уставала, и решили ввести дежурства живущих в доме, как по ночам, так и днем, в помощь Марусе. Я видела, что Максимилиан Александрович не сопротивляется болезни, что он не хочет жить. Когда приехал из Феодосии его друг художник Богаевский, то Максимилиан Александрович захотел остаться с ним наедине и явно с ним прощался.

Творчество ушло, и жить Максимилиану Александровичу было незачем. ...

Я как-то дежурила у Максимилиана Александровича ночью, и он вдруг спросил меня: "Скажи, Лида, на какую букву легче дышать?" Нам запрещалось с ним разговаривать, и я, удивленная его вопросом, подумав немного, ответила: "Не знаю". Прошло, наверное, около получаса, когда Максимилиан Александрович вдруг сказал: "На букву И". Сразу я даже не поняла, а потом сообразила, что он передышал на весь алфавит и сделал вывод.

Умер Максимилиан Александрович 11 августа 1932 года и был положен на стол в столовой. Сразу же послали в Феодосию за льдом, и он был кругом им обложен. Стояла жара, и решили хоронить 12-го, на другой день.

Маруся была вне себя и то падала на пол, раскинув руки крестом, и голосила, как простая баба, причитая: "На кого ты меня оставил, зачем покинул" и т. д., то лежала часами молча, то была окружена людьми, то прогоняла всех... Был создан комитет по организации похорон, и все быстро и четко делалось.

После смерти Максимилиана Александровича в доме наступила какая-то странная и жуткая тишина, все сидели по своим углам

Я поднималась к себе на чердак уже под вечер, и вдруг выходит на лестницу Маруся и говорит мне: "Иди помогать формовщику снять с Макса маску"⁹⁷¹. Я пошла. Темно, электричества не было. Зажгли фонарь "летучая мышь", и его держала дрожащими руками Александра Михайловна Миклашевская⁹⁷². Маруся бросилась лицом вниз на кушетку в углу, а я стояла рядом с формовщиком и делала все по его указаниям. Надо было смазать вазелином брови, усы, бороду и края лица у волос и трогать лицо, все время трогать его. Потом был разведен гипс, и начали заливать лицо ровным слоем, с носа на бока. Когда формовщик сказал, что можно снимать маску, то снять ее было нельзя из-за того, что многие волоски из бороды и усов все же попали в гипс и тянулись за маской, не давая ее снять. Лицо разогрелось под гипсом, стали открываться глаза и рот, лицо стало теплое и мягкое. Я занервничала и говорю формовщику, что возьму ножницы и буду подстригать те волосы, что попали в гипс. От этой "летучей мыши" плохо все видно, бегают тени, и как-то жутко делается. Я храбро стала стричь все, что держало маску, и мы быстро справились тогда с этим делом. Маруся не раз хотела подойти, но я ее не пускала и уговаривала не мешать нам, а тихо лежать в отдалении. Признаться, я устала, как-то нервы измучились, и обрадовалась,

⁹⁷⁰ 631 Л. А. Арене была необоснованно репрессирована.

⁹⁷¹ 632 Формовщик, снимавший маску с лица Волошина, был прислан скульптором Сергеем Дмитриевичем Меркуровым (1881-1952).

⁹⁷² Жена композитора и дирижера И. С. Миклашевского.

когда мы всё закончили и убрали. Была уже ночь, и я ушла к себе на чердак.

Я не видела маски, но слышала, что она плохо вышла.

На другой день похороны были назначены на 6 часов вечера. Поставили гроб на телегу, запряженную одной лошастью. Все мы и масса народу из всех домов отдыха и вся деревня пошли огромной толпой на верх горы, где сам Максимилиан Александрович выбрал себе место для могилы. Лошадь не могла донести до самого верха горы, и тогда мужчины подняли гроб и понесли его и поставили у вырытой могилы.

Солнце садилось и освещало лицо Максимилиана Александровича в гробу, и Марусю, и всех, кто стоял кругом, и всю огромную толпу, и чудесный вид оттуда. Все ждали, кто и что скажет или что будет. А прочли всего два стихотворения, одно Максимилиана Александровича Волошина "Коктебель", а второе Баратынского - и больше ничего. ... Я стояла рядом с Марусей, пока засыпали могилу, а потом отошла, и было так тяжело и грустно, что я, горько плача, побежала с горы вниз...

Николай Чуковский **ИЗ КНИГИ "ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ"**

... Я снова приехал в Коктебель через восемь лет после первого моего посещения - в июле 1932 года. Ехал я на этот раз один, без жены, и не в гости к Максиму, а по путевке в дом отдыха Литфонда. К тому времени дом Макса был уже домом Литфонда - за Волошиным оставался только второй этаж, где помещалась мастерская Макса. Все это произошло по воле самих Волошиных. Соседний дом, дача Юнга, тоже принадлежал теперь Литфонду. Обоими этими домами распоряжалось Московское отделение Литфонда. У Литфонда был еще и третий дом в Коктебеле - бывшая дача Манасеиной. Этой дачей распоряжалось Ленинградское отделение Литфонда, и я как ленинградец поселен был в ней.

Когда я проезжал через Москву, кто-то, кажется, Иван Катаев⁹⁷³, попросил меня передать Максиму, что его стихи идут в одном из ближайших номеров "Нового мира"⁹⁷⁴. Таким образом, я вез в Коктебель радостную для Макса весть. За последние годы Макс писал мало, и речь шла о тех самых стихах, которые я слышал в начале двадцатых годов. Они все еще не были напечатаны. Постоянная жизнь в Коктебеле, вдали от литературных центров, мешала стареющему Максиму завязать связи с крепнувшей молодой советской литературой. За восемь лет, с 1924 года по 1932-й, интеллигенция прошла огромный путь развития, а Макс, у которого, безусловно, были все данные, чтобы принять в этом развитии участие, остался в стороне, законсервированный среди коктебельских гор и пляжей.

Приехав в Коктебель, я сразу понял, что он тяжело болен. За несколько дней до моего приезда у него был удар. Я поспешил к нему.

Макс, необычайно толстый, расплывшийся, сидел в соломенном кресле. Дышал он громко. Он заговорил со мной, но слов его я не понял - после удара он стал говорить невнятно. Одна только Марья Степановна понимала его и в течение всей нашей беседы служила нам как бы переводчиком.

При всем том он был в полном сознании. Когда я сказал ему, что стихи его пойдут в "Новом мире", лицо его порозовело от радости. Снова и снова почти нечленораздельными звуками просил он меня повторять привезенную мною новость.

Через несколько дней у него был второй удар, и он умер⁹⁷⁵.

Он лежал в саду перед своим домом в раскрытом гробу Гроб казался почти квадратным

⁹⁷³ Катаев Иван Иванович (1902-1939) - писатель.

⁹⁷⁴ 633 В журнале "Новый мир" в 30-е годы стихи Волошина так и не появились.

⁹⁷⁵ 634 Волошин умер 11 августа 1932 года.